

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ян С. Анализ употребления форм императива в романе «Мастер и Маргарита» и проблемы их перевода на китайский язык // Litera. 2025. № 12. С. 164-182. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.12.77145 EDN: ZESIKH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77145

Анализ употребления форм императива в романе «Мастер и Маргарита» и проблемы их перевода на китайский язык

Ян Синьюэ

ORCID: 0009-0009-3439-2659

аспирант, Филологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, тер. Ленинские Горы, д. 1

✉ yxuoer@gmail.com[Статья из рубрики "Перевод"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2025.12.77145

EDN:

ZESIKH

Дата направления статьи в редакцию:

06-12-2025

Дата публикации:

05-01-2026

Аннотация: В статье основное внимание уделяется переводу императивных высказываний в десяти китайских переводах романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», выполненных Янь Юнсин, Ван Чжэньчжун, Ван Наньфу, Бай Хуасюн, Сюй Чанхан, Цянь Чэн, Су Лин, Гао Хуэйцзюнь, Цао Говэй и Дай Цу. Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать употребление форм императива в русском языке и их соответствующий перевод на китайский язык, оценить качество их перевода, рассмотреть основные типы и виды переводческих ошибок при переводе императивных форм, продемонстрировать на конкретных примерах причины появления таких ошибок и их отрицательное влияние на понимание прагматического значения исходного текста, найти пути их преодоления и усовершенствования методов перевода художественных текстов. Для достижения поставленной цели в качестве методологической базы

исследования автор применяет аналитико-сопоставительный и количественный метод. Актуальность данной работы определяется тем, что повелительное наклонение как одно из основных лексико-грамматических средств выражения семантической и прагматической информации всегда рассматривалось как одна из ключевых и наиболее трудных тем при изучении русского языка как иностранного, имеющих важное практическое значение. Но, к сожалению, не всегда удается передать прагматическое значение форм императива в переводном тексте, что свидетельствует о сложности освоения русского императива и его перевода на китайский язык. Изучение форм императива в романе «Мастер и Маргарита» и его перевода на китайский язык на основе методик сопоставительного анализа способствует пониманию повелительных высказываний и их перевода на китайский язык. Примеры, указанные в данной статье, можно применять в качестве справочного материала для подготовки переводчиков и изучения грамматики русского языка.

Ключевые слова:

художественный текст, повелительное наклонение, императив, прагматическое значение, аналитико-сопоставительный метод, Булгаков, Мастер и Маргарита, роман, перевод, китайский язык

Выбор объекта исследования обусловлен семантическим богатством императива, его широким использованием в художественных произведениях и сложностью его перевода. Создавая образ художественной действительности, писатели прибегают к самым разным литературным и языковым приемам, чтобы создать «детали внешности, слов, поступков, внутренних состояний или событий, в которых участвует персонаж» [\[34, с. 22\]](#). Среди прочих деталей, используемых для характеристики персонажа, одно из важных мест занимает использование форм императива. Императив, или повелительное наклонение глагола, является неотъемлемой частью литературных текстов и играет в них очень важную роль: императивные конструкции позволяют более четко понять повествовательный процесс в произведении, определить коммуникативные намерения адресанта, отразить его характер, мотивации поведения, различные эмоциональные коннотации и т. д.

Именно в диалоге художественных произведений, где сталкиваются воля и намерения разных персонажей, императив наиболее полно раскрывает свою сущность как акт непосредственного речевого воздействия. Поэтому повелительное высказывание, содержащееся в контексте художественного диалога, является продуктом «одного из самых сложных видов коммуникации - художественно-литературной, субъектами которой, помимо автора и читателя, становятся персонажи» [\[22, с. 150-151\]](#). Исходя из этого, можно утверждать, что при изучении коммуникативно-направленных вербальных произведений, имеющих эстетическую ценность, особенно когда уникальность литературы заключается в ее сосредоточенности на диалоге, изучение использования и перевода форм императива в произведении может дать нам более четкое представление о том, как автор и переводчик охарактеризует взаимодействие адресантов и адресатов в тексте (повествователя и читателя, говорящих и слушающих героев) с помощью повелительного наклонения глагола.

Выполняя перевод какого-либо текста, очень важно знать и применять теорию перевода и использовать соответствующие методы перевода. Но идеального способа перевода

текста в науке не существует. «Текст» в отличие от «языка как системы средств», согласно М. М. Бахтину, «никогда не может быть переведен до конца, ибо нет потенциального единого текста текстов. Событие жизни текста, т. е. его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [\[5, с. 285\]](#).

Говоря о проблеме перевода, мы не можем обойти проблему «непереводимости», широко обсуждающую в теоретической литературе. Если согласиться, что «в подлиннике автором создается некий понятийно образный мир, составляющий художественное содержание оригинала» [\[32, с. 189\]](#), то возникает вопрос «о степени его проницаемости/усвояемости для носителей других культур», и далее — «о существовании феномена переводной множественности» [\[32\]](#).

О непереводимости художественной литературы также указывает Ю.А. Сорокин «на существование внутренней грамматики смысла, присущей каждому языку, той комбинаторики точек зрения на мир, которые являются результатом “приписки” субъектов общения к соответствующей биоценозическо-культурной среде. ...возможный мир — это мир интенциональных состояний: феноменологических, объектных, временных, и формальных... По-видимому, именно совокупность этих состояний, обусловленная к тому же соответствующим характером/духом языка, оказывается в ряде случаев настолько специфичной (культурально непривычной), что позволяет переводчику (но также и исследователю) говорить о непереводимости поэзии» [\[26, с. 45\]](#).

Таким образом, можно подтверждать, что перевод художественных текстов — это одна из самых сложных и ответственных задач, стоящих перед переводчиком. Художественный перевод требует от переводчика не только глубокого знания двух языков, но и понимание исторических и литературных особенностей обоих языков и культур, уникальных авторских идиостилей, эстетики автора, богатства языковых средств, экспрессивного воздействия, нюансов переводимого текста и т. д.

Художественно-образная система романа «Мастер и Маргарита» «построена на резком противоречии, даже конфликте трех “миров”» [\[16, с.7\]](#), например, конфликт между Мастером и литературными критиками, редакторами в московском мире и столкновение точек зрения Иешуа и Пилат. Именно эта конфликтная природа миров находит свое прямое отражение в языке произведения. Особенно ярко это проявляется в диалогах, которые составляют значительную часть текста (38,18%, согласно лингвистическому анализу на сайте “Лаборатории Фантастики”). Данные диалоги тщательно выстроены и чрезвычайно своеобразны, в них мы и находим большое количество императивных высказываний, что рождает плодотворную почву для исследования на материале диалогов именно из данного произведения.

В русском языке императивные предложения могут выражать побуждение, приказ, совет, просьбу, приглашение, разрешение и другие волеизъявления. Однако в художественных текстах часто наблюдается «употребление форм императива для выражения других значений (уступки, условия, пожелания, долженствования и т. д.), а не только значения волеизъявления, в этих случаях формы императива употребляются в своем не прямом значении в несвойственной ему семантической ситуации, вне речевой ситуации прямого общения» [\[17, с. 49\]](#).

Данное исследование опирается на данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Согласно НКРЯ, в романе имеется 700 форм императива. Но нужно отметить, что анализ основан на 699 формах в силу того, что одна из них считается грамматической

ошибкой иностранца: «*Не **понимай**... русский говорить...*».

Проанализировав все имеющиеся примеры употребления императивных конструкций в романе «Мастер и Маргарита», мы определили следующие их значения: прямые императивные значения (требование, приказ, запрещение, совет, приглашение, разрешение, пожелание, просьба, предупреждение) и косвенные (условное значение, уступительное значение, долженствовательное значение, драматическое значение, значение пожелания). В табл. 1 представлены 13 императивных значений, которые выделены нами на основе анализа каждой формы.

Таблица 1. Значения императивных предложений и их количество в романе «Мастер и Маргарита»

Императивные значения	Количество
Требование	277
Просьба	213
Совет	52
Приказ	44
Разрешение	33
Запрещение	20
Приглашение	16
Предупреждение	16
Непрямые употребления форм императива в составе фразеологических единиц	11
Пожелание	7
Уступительный императив	6
Условный императив	1
Императив пожелания	1
Итого	699

Языковая картина мира и когнитивные различия влияют на смысловое содержание концепта и даже меняют его. Например, для лингвоспецифичных русских слов иногда трудно найти китайский эквивалент. Следовательно, как пишет Schopenhauer, «не все концепты, выражаемые словами одного языка, точно так же выражаются словами другого языка» [\[4, с. 2\]](#). Такое же мнение высказывал и В.Н. Комиссаров, что грамматические трудности перевода «обуславливаются тем, что грамматические явления в разных языках отличаются, даже если существуют совпадения в отдельных отношениях» [\[20, с. 59\]](#).

Известно, что с точки зрения типологических характеристик, морфологических и синтаксических особенностей китайский язык по классификации В.М. Солнцева относится к изолирующим языкам, а русский язык — к неизолирующим флективным [\[25\]](#). Они генетически неродственные, типологически разные и системно несовместимые, т. е. русский язык принципиально отличается от китайского своей звуковой, лексической и грамматической системами. Без всякого сомнения, русский язык типологически носит флективно-синтетический характер: «специфика словообразовательных связей, особенности сочетания слов и предложений, сочетание флективных форм изменения слов с предложными формами, сложная видовременная система глагола, а также порядок слов и ритмико-интонационное оформление русских предложений» [\[9, с. 133\]](#) — в

процессе перевода с русского на китайский язык особое внимание требуется обращать на эти уникальные особенности русского языка, в частности, лексические и грамматические средства, определяющие смысловую и грамматическую цельность текста.

Следует отметить, что в китайском языке нет явления транспозиции форм повелительного наклонения. Повелительное наклонение как трудность русской грамматики не только представляет морфологические и семантические особенности глагольного вида, оно тесно связано с традиционной культурой народов России. Особенно сложна для носителей китайского языка система видовременных форм русского глагола и лексико-грамматическая категория глагольного вида. Имеющиеся объективные трудности перевода императива на китайский язык вызваны как особенностями строя синтетических и аналитических языков и различиями этих языковых типов, так и специфическими факторами расхождения значений лексем в двух языках.

Материалом для нашего исследования послужили тексты 10 китайских переводов романа выдающегося русского писателя М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», выполненных Ван Чжэньчжун(1996) , Дай Цу(1998), Янь Юнсин(2015) , Цянь Чэн(2016), Ван Наньфу(2016) , Сюй Чанхан(2017), Бай Хуасюн(2017) , Цао Говэй(2018) , Гао Хуэйцзюнь(2019) , Су Лин(2022). Все эти переводчики являются специалистами по русско-китайскому переводу и по истории советской и русской литературы. Эти варианты переведены из разных черновиков и машинописных версий романа, так что соответствующие переводы нижеуказанных 4 предложений в книгах Дай Цу, Цао Говэй, Су Лин, Ван Наньфу, Гао Хуэйцзюнь, Сюй Чанхан не найдены. Например:

1.1 *Да, да, **представьте** себе, я в общем не склонен сходиться с людьми, обладаю чертовой странностью: схожусь с людьми туго, недоверчив, подозрителен.* (Булгаков)

1.2 *И -- **представьте** себе, при этом обязательно ко мне проникает в душу кто-нибудь непредвиденный, неожиданный и внешне-то черт знает на что похожий, и он-то мне больше всех и понравится.* (Булгаков)

1.3 *Понравился он мне до того, **вообразите**, что я его до сих пор иногда вспоминаю и скучаю о нем.* (Булгаков)

1.4 ***Делай**, как хочешь, но говорю тебе, что этот человек производит на меня впечатление отталкивающее.* (Булгаков)

Перевод большинства императивных высказываний романа считается удачным благодаря высокому уровню владения переводчиков русским языком. Семантика императива легко определяется с помощью глаголов сказуемых, передающих интонации говорящего, такие как «попросить», «приказать», «умолять», «молить», «предложить», «советовать», а также с помощью наречий, например, «повелительно» и т. д. Императивные значения «приказ», «просьба», «запрещение» также выявляются с помощью статусно-ролевых отношений между говорящим и адресатом, например: *Пропустите к телефону, – **приказал** врач санитарам* (Булгаков).

При переводе не нужно полностью воссоздавать грамматическую составляющую оригинала. Основная цель - передать общий смысл, который в подлиннике может передаваться через соответствующие формальные элементы. Только в тех случаях, когда отдельные грамматические формы оригинала играют особую стилистическую роль, например, лаконичность, параллельные конструкции, более частое употребление какой-либо части речи, цель перевода меняется, чтобы прямо воссоздать эти черты и их

функции, используя аналогичные средства языка перевода.

При переводческой трансформации допускается «использование иных лексических и грамматических средств для выражения аналогичных целей коммуникации» [6, с. 9]. Глагол, подводящий к прямой речи, является опорным для перевода, подобных рассмотренному выше примеру. В романе мы также встречаем замену императива от одного глагола формой императива другого глагола, усилительной частицей или междометием, соответствующим по значению и эмоциональной окраске. Например:

2.1 **Позвольте!** – вдруг воскликнула она, – какого Берлиоза? (Булгаков)

— “等一等!(Подождите!)” 她突然大声说,“您说哪个柏辽兹?(Гао Хуэйцунь, 2019)

2.2 И теперь уж **говорите** без стеснения: ибо предложил я. (Булгаков)

— 现在别不好意思(И теперь уж **не стесняйся**),因为我提出来的。(Су Лин, 2022)

2.3 Впрочем, вы... вы меня опять-таки **извините**, ведь, я не ошибаюсь, вы человек невежественный? (Булгаков)

— 不过,您.....还得恕我直言(вы меня **простите за прямоту**),我没看错的话,您这个人是不是不学无术?(Гао Хуэйцунь, 2019)

2.4 Верно! У него! Тут, тут... **Стой!** Да это червонцы! (Булгаков)

— 一点不错,他也有!在这儿,在这儿!噢(Ой!),这不是一叠十卢布的钞票吗!(Сюй Чанхан, 2017)

В данном примере переводчик достигает эмоционального подчеркивания с помощью «междометные императивы», «噢(ой)», которое, по мнению В.В. Виноградова, «выражает волевые изъявления, побуждения» [12, с. 620].

Наречие, междометие и частица использованы в качестве дополнительных средств для выражения императивности как в русском, так и в китайском. Например:

2.5 **Обедайте**, ребята, – кричали повара, – и **сдавайте** валюту! (Булгаков)

— “开饭了,伙伴们,”厨师们大声喊叫,“快交出外币!(Янь Юнсин, 2015) (Дословный перевод: Еда готова, ребята, – кричали повара, – ну и **сдавайте** валюту **прямо сейчас!**)

Частица «了(le)»— в императивных конструкциях может придавать оттенок срочности или необходимости немедленного действия. В обоих языка конструкции с семантическим оттенком немедленного совершения действия часто сопровождаются сирконстантами, обозначающими время исполнения каузируемого действия и служащими выражением нестерпимого внутреннего чувства говорящего [马上(немедленно), 现在(сейчас/теперь), 快点/赶快(скорее/скорей), 立刻(сию минуту) и т. п.].

2.6 **Сыграйте** и со мной в такую колоду, – весело попросил какой-то толстяк в середине партера. (Булгаков)

— “喂,给我也变这么一副纸牌出来好不好?!(Эй, **сыграй** и со мной в такую колоду?!)”池座中部有个大胖子乐呵呵地问。(Сюй Чанхан, 2017)

В качестве одного из наиболее распространённых междометий в живой китайской речи, слова «喂(эй)» служит сигналом к вниманию, выражающие призыв откликнуться. Следует обратить внимание на использование вопросительного и восклицательного знаки, служащих интонационным средством в художественных произведениях для

формирования дополнительных модальных значений.

2.7 Прости меня и как можно скорее **забуди**. (Булгаков)

— 原谅我,尽快把我忘了吧。/请原谅我并尽快地忘记我吧。/原谅我并尽快忘记我吧。/原谅我,并且尽快忘掉我吧!(Янь Юнсин, 2015; Дай Цу, 1998; Цао Говэй, 2018; Сюй Чанхан, 2017; Гао Хуэйцунь, 2019; Цянь Чэн, 2016)

2.8 Впрочем, нет, **берите** его себе на память. (Булгаков)

— 不,您拿它们做个纪念吧。/不,您拿去做纪念吧。/哦,算了,您拿去做个纪念吧。/不过,不,您还是留着做个纪念吧。/啊,不,还是送给您做纪念吧。/不过.....别扔,你拿去留作纪念吧。(Ван Чжэньчжун, 1996; Дай Цу, 1998; Су Лин, 2022, Бай Хуасюн, 2017; Гао Хуэйцунь, 2019; Цянь Чэн, 2016)

При анализе отмечено широкое использование частицы «**吧**(ba)» в конце предложения для смягчения тона побуждения.

Для китайцев в общении очень важно учитывать вежливость и уважение в социуме и соблюдать традиции из-за конфуцианских принципов коллективистского общества. Китайский профессор лингвистики Гу Юэго отмечает, что слово «**礼貌**(вежливость)» происходит от древнего китайского языка слова «**礼** (li)», значение которого было «определено Конфуцием (551-479 г. до н. э.) как "социальная иерархия", что отсылает нас к идеальной модели общества, разработанной мыслителем...А следовательно, основной задачей вежливости являлось поддержание общественного порядка (иерархии)» [\[36\]](#).

В противоположность русскому принципу «вежливость должна проявляться не на словах, а на деле» [\[1, с.117\]](#), в китайской лингвокультуре наблюдаются «максимы вежливости: ... максима иерархического отношения (использование подходящих форм обращения к собеседнику), ... максима согласования морали, речи» [\[36\]](#). Если русская коммуникативная культура в большей степени ориентирована на прямоту и открытость, то китайская — на контекстуальную сдержанность и соблюдение формальности беседы. Поэтому в китайском языке волеизъявление нередко выражается изъявительным или вопросительным предложением, что наблюдается и в переводном тексте романа. Например:

2.9 **Сыграйте** и со мной в такую колоду, – весело попросил какой-то толстяк в середине партера. (Булгаков)

—“**我也想玩**这种纸牌!(**Я тоже хочу попробовать** в такую колоду!)”坐在池座中间的一个胖子欢喜地央求。(Ван Наньфу, 2016)

Изъявительное наклонение выражает ирреальность действия говорящего – его желательность, между тем просьба допускает возможность отказа.

2.10 В общем возбужденном говоре, смешках и вздохах послышался мужской голос: «Я не позволю тебе!» – и женский: «Деспот и мещанин, **не ломайте** мне руку! (Булгаков)

— 在女人们兴奋的说话声、嘻笑声和赞叹声中,一个男人的声音响起:“我不许你去!”一个女人的声音接上来:“暴君!小市民!我的胳膊快被你拽折了!(**ты ломаешь мне руку!**)” (Су Лин, 2022)

Данному высказыванию присуща меньшая степень категоричности. Говорящий описывает свой дискомфорт, заставляющий адресата почувствовать необходимость прекратить действие.

2.11 Ты еще винограду сверху **положи**, – тихо сказала Гелла, пихнув в бок кота. (Булгаков)

— “你为什么不放些葡萄在上面?(Почему ты не положил винограду сверху?)”赫拉悄悄地说,用肘轻轻捅了捅公猫的肋骨。(Ван Наньфу, 2016)

Значение побуждения может также выражаться вопросом, содержащим совет в виде косвенно выражаемого побуждения. Такие структуры могут быть охарактеризованы как вопросительно-побудительные.

2.12 И тогда, **поверьте**, недостатка в нем не будет. (Булгаков)

— 我向您保证(**обещаю**),会有灯火辉煌的时刻。(Сюй Чанхан, 2017)

В данном примере наблюдаем использование иллокутивных глаголов, т.е. глаголов, которые «номинализируют цель говорения и те или иные условия осуществления речевого действия, например умолять, просить, угрожать, поздравлять, уверять, обещать, требовать и др.» [2, с. 130].

2.13 **Перестаньте** петь! – обратился доктор к секретарю. (Булгаков)

— 不许唱了!(**Хватит** петь!)”医生对书记说。(Ван Чжэньчжун, 1996)

В оригинале отмечается требование доктора по отношению к секретарю, а в переводе мы видим, что побуждение слабее и выражает значение просьбы (уже достаточно, довольно) в связи с высшей должностью секретаря парткома Коммунистической партии Китая (КПК).

Опущение является видом переводческой трансформации. В процессе перевода опущению подвергаются чаще всего такие императивы, которые являются «семантически избыточными, т. е. выражающими значения, которые могут быть извлечены из текста и без их помощи» [13, с. 308], не нарушая при этом целостности пропозиционального содержания. Например:

2.14 **Дайте** нарзану, – попросил Берлиоз. (Булгаков)

— “两瓶纳尔赞(Два нарзана)。”柏辽兹说。(Цао Говэй, 2018)

При переводе также довольно частотны синтаксические замены: императив пропускается, определенно-личное предложение не сопровождает обращение.

2.15 Но, **помилуйте**, что вы делаете, Афраний, ведь печати-то, наверное, храмовые! (Булгаков)

— 阿弗拉尼,你拆封干什么?(Афраний, что вы делаете?) 这不是神庙长老加盖的封记么?(Сюй Чанхан, 2017)

Здесь значение несогласия выражается вопросительным предложением.

Наиболее характерны для соотношения между словарным составом русского и китайского языков так называемые «вариантные соответствия», устанавливающиеся «между словами в том случае, когда в языке перевода существует несколько слов для передачи одного и того же значения исходного слова» [23, с. 18]. В примерах также показано богатство и гибкость глагольной системы китайского языка. Достаточно рассмотреть хотя бы один глагол в русском языке, чтобы убедиться, что в китайском

всегда можно найти множество глаголов, близких по значению. Например, высказываниям, соответствующим одному определению «согласитесь», в китайском языке могут соответствовать различные глаголы. См. на таблицу 2.

Таблица 2. Примеры перевода императивной конструкции «согласитесь» на китайский язык

Перевод на китайский язык	Дословный перевод конструкции на русский язык
这一点您是会同意的。	Вы согласитесь с этим.
您总该承认,	вы не станете отрицать,
您怕是不能不赞成吧?	Нельзя не признать?
您也一定不会有意见。	С этим проблем не будет.
你说是吧。	Правда? Верно?
你说呢?	Как по-твоему?
您也该想想,	вам нужно подумать,
你不同意吗?	Вам так не кажется? Вы не согласны?

Вышеизложенные примеры также могут быть использованы для подтверждения нашего утверждения о том, что в китайском языке волеизъявление выражается нередко изъявительным или вопросительным предложениям

Адекватность и эквивалентность перевода являются решающим фактором при художественном переводе. В центре закономерности перевода лежит понятие теории эквивалентности, которая обсуждается впервые в статье Р. Якобсон «О лингвистических аспектах перевода» (1959). В.Н. Комиссаров считает, что «главная переводческая задача заключается в полноте передачи содержания текста оригинала» [20]. Он в «Слове о переводе» выдвигает собственное определение иерархической системы пяти уровней эквивалентности перевода: «уровень языковых знаков, уровень высказывания, уровень (структуры) сообщения, уровень описания ситуации и уровень цели коммуникации» [19], что дает нам чёткие правила сопоставления оригинала и перевода. Перевод может считаться эквивалентным лишь в том случае, если между исходным текстом и текстом перевода установлено соответствие на всех уровнях содержания.

При анализе перевода императивных высказываний особое внимание автором уделяется только двум из пяти типов эквивалентных отношений между текстами оригинала и перевода, выделенных В.Н. Комиссаровым — «эквивалентность на уровне цели коммуникации, характеризующаяся наименьшей общностью содержания оригинала и перевода; ... эквивалентность на уровне семантики словесных знаков - наименьшая степень смысловой общности, которая вообще не может существовать между оригиналом и переводом» [20, с. 167].

«Адекватным является тот перевод, который в наибольшей степени передает образно-эмоциональную структуру оригинала» [21, с. 94]. Не отождествляя понятия эквивалентности и адекватности, Ю.В. Ванников составляют определенные уровни адекватности. Наиболее важным для изучения перевода императива считаются семантико-стилистическую адекватность, которая определяется «через оценку семантической и стилистической эквивалентности языковых единиц, составляющих текст перевода и текст оригинала», и функционально-прагматическая адекватность, которая «выводится из оценки соотношения текста перевода с коммуникативной интенцией отправителя сообщения, реализованной в тексте оригинала» [10, с. 34-37]. По мнению

А.Д. Швейцера, «если эквивалентность отвечает на вопрос о том, соответствует ли конечный текст исходному, то адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям» [\[33, с. 95\]](#).

В конечном счете, ошибки указывают на смысловую неэквивалентность и выявляют непрофессионализм переводчика, при этом очень важно фиксировать количество ошибок, поскольку без этого невозможно определить, насколько удачным является перевод.

Профессор Я.И. Рецкер выделяет 5 факторов, которые могут влиять на применение грамматических трансформаций: «синтаксическую функцию предложения; его лексическое наполнение; его смысловую структуру; контекст (окружение) предложения; его экспрессивно-стилистическую функцию» [\[23, с.84\]](#) и классифицирует 3 переводческих соответствия: «эквиваленты, аналоги и адекватные замены» и соответствующие 3 приема перевода: «нахождение эквивалентов, аналогов и адекватных замен» [\[23, с.214\]](#). Опираясь на эти определения и понятия адекватности и эквивалентности, все ошибки перевода императивных высказываний автором выделены на три типа: семантико-стилистические, лексические и грамматические. В табл. 3 указаны типы и количество ошибок перевода императивных высказываний в романе «Мастер и Маргарита».

Таблица 3. Типы и количество ошибок перевода императивных высказываний в романе «Мастер и Маргарита»

Имя автора	Классификации ошибок			Количество ошибок
	семантико-стилистические	лексические	грамматические	
严永兴 Янь Юнсин (2015)	0	14	6	20
王振忠 Ван Чжэньчжун (1996)	1	11	7	19
王男楸 Ван Наньфу (2016)	2	7	9	18
白桦熊 Бай Хуасюн (2017)	1	5	4	10
徐昌翰 Сюй Чанхан (2017)	6	3	2	11
钱诚 Цянь Чэн (2016)	2	6	1	9
苏玲 Су Лин (2022)	0	3	4	7
高惠群 Гао Хуэйцзюнь (2019)	5	2	0	7
曹国维 Цао Говэй 戴骢 Дай Цу (1998)	0	2	2	4
曹国维 Цао Говэй (2018)	0	2	2	4
Итого	17	55	37	109

Несмотря на то, что количество ошибок перевода императивных высказываний не является единственным критерием оценки качества перевода, тем не менее, некоторые высказывания из-за этого могут потерять стилистические черты, неверный перевод может привести к существенным искажениям смысла и вызывать сложность с пониманием текста. Как пишет А. В. Федоров, «полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему» [\[29, с. 151\]](#). Поэтому так важен анализ таких ошибок, который может помочь найти их источник и пути улучшения качества перевода.

Неадекватный перевод, как определено Я.И. Рецкер, может привести к разрыву экспрессивно-стилистической функции. П. Флоренский отмечает, что слово обогащается индивидуальной семантикой, представленной «совокупностью почти неуловимых эмоциональных оттенков, которыми определяется самое проникновенное из того, что говорящий вот сейчас, в данном случае вкладывает в произносимое им слово» [\[11, с. 297\]](#). При неправильном определении значения эмоциональная окраска текста теряется, повелительная семантика изменяется и в некоторых случаях вообще усекается. Например:

3.1 **Взыщите** с сыщиков, потерявших Иуду. (Булгаков)

— 您可以处分那几个跟丢了犹太的探子。(Гао Хуэйцунь, 2019) (Дословный перевод: *Вы можете **взыскать** с сыщиков, потерявших Иуду.*)

Здесь приказ прокуратора переводится как совет и разрешение.

3.2 Ну что же, **подождем** еще. (Булгаков)

— 好吧,等着瞧(**смотрите**)。 (Гао Хуэйцунь, 2019)

Требование переводится как предупреждение.

3.3 Во всяком случае, **уберите** и котенка и блюдечко, -- сказал Кузьмин и сам сопровождал Ксению Никитишну до двери. (Булгаков)

— “不管怎么样,您先把这小猫和盘子拿掉吧。”库兹明命令(**приказал**)说,并亲自把女护士送出了门。(Сюй Чанхан, 2017)

Глагол в форме повелительного наклонения в принципе правильно переведен, но переводчик передел слово «сказал» на слово «**命令(приказа)**», в результате чего семантика требования превратилась в семантику приказа.

3.4 **Помилуй**, Григорий Данилович, – не веря своим глазам, проговорил Варенуха, – по-моему, ты зря деньги посылаешь. (Булгаков)

— “怎么啦,格里高里·达尼洛维奇,”瓦列努哈简直不敢相信自己的眼睛,“我看您这钱准是白扔!” (Сюй Чанхан, 2017) (Дословный перевод: **Что случилось?** Григорий Данилович, ...)

3.5 **Догадайся**, что со мною случилась беда. (Булгаков)

— 我遭难了,你知道吧..... (Гао Хуэйцунь, 2019) (Дословный перевод: **Знаете**, что со мною случилась беда.)

В двух вышеуказанных китайских вариантах перевода императивное значение просьбы смягчается, в то время как оригинал в данном случае гораздо более экспрессивен. В

результате такие ошибки приводят к полному непониманию мотивации и настроения личности, неверному раскрытию внутреннего состояния субъекта речи и личных качеств героев, искажению взаимоотношений персонажей и т. д.

В роли критериев классификации лексических ошибок играет тип переводческого соответствия «аналоги» Я.И. Рецкера, т.е. «у многих единиц языка оригинала имеются несколько соответствий в языке перевода, из которых переводчик должен делать выбор, исходя из требований контекста» [23, с.214]. Подобное мнение выразила и Родионова Т. И.: «В числе основных причин переводческих ошибок принято называть непонимание переводчиком текста оригинала, дословный перевод, неудачный выбор переводческого соответствия» [24, с. 138]. Рассмотрим ниже лексические ошибки, связанные с неверными интерпретациями смысла текста оригинала.

4.1. **Разрешите мне** [**это сделать** (значение в контексте)], *мессир, – вскричал радостно кот, вскакивая.* (Булгаков)

— “让我来说(**Разрешите мне сказать**),大人!”公猫跳了起来,高兴地大喊。(Ван Наньфу, 2016)

Воланд даёт Маргарите возможность отомстить критику Латунскому, погубившему Мастера. В этом случае первым вызвался Бегемот, а за ним Азazelло (убить Латунского). Из-за неправильной формулировки, с одной стороны, не может отражать непредсказуемый, самодовольный и агрессивный характера кота, с другой стороны, приводит к логическому нарушению и противоречию диалога.

Неполное понимание смысла слов, незнание переносного значения глагола или значения устойчивого словосочетания являются одной из наиболее частых причин лексических ошибок перевода, которые могут привести к неэквивалентной передаче внутренне заложенной смысловой интенции персонажа и к потере метафорического значения выражения. Например:

4.2. *Я? – воскликнул в изумлении маг, – **помилосердствуйте*** (выражение несогласия). (Булгаков)

— “我?”魔术师困惑地叫,“很荣幸(**с удовольствием**.)”。(Ван Наньфу, 2016)

4.3. *Я нарочно прибрала, чтобы кто не поднял, а то потом **поминай** как звали!* (Булгаков)

— 我看到它在餐巾里躺着,就捡了起来免得被别人拿走,免得您到处**找**(так что вам не придется **оглядываться по сторонам!**!)(Ван Наньфу, 2016)

Поминай как звали — устойчивое словосочетание о бесследном исчезновении.

4.4. **Скажите!** (вводное слово выражает удивление) (Булгаков)

— 你倒是说说(**Скажите уж**)!(Ван Наньфу, 2016)

4.5. **Смотри!**(превентив), *Николай!* (Булгаков)

— 你看(устремлять, направлять взгляд),**尼古拉!**(Ван Чжэньчжун, 1996)

4.6. **Лети** к ним и все устрой. (Булгаков)

— 飞到他们那儿去(**Лети к ним.**),把一切都安排一下。(Сюй Чанхан, 2017)

В контексте оригинала глагол «летать» имеет переносное значение «быстро бегать,

ходить», а в переводе мы видим употребление глагола «飞» в своем прямом значении «летать», что приводит к нелепому смыслу высказывания в переводном тексте. Более верным мог бы быть следующий перевод: **快点到他们那儿去,把一切都安排一下**。(Дословный перевод: **Срочно иди** к ним и все устрой.)

4.7. **Вернись** к себе! (Булгаков)

— (你)回家去(吧)/回到自己家去吧/回到你自己那儿去/(*Вернись домой*)!

Данное высказывание не является правильным ни в одном из 10 переводов. Здесь словосочетание «вернись к себе» имеет переносное значение «возвратиться к тем мыслям, тому эмоциональному состоянию, которые были у тебя до нашей встречи». Все 10 переводов используют при этом прямое значение словосочетания «к себе», т. е. «домой».

Употребление прямого значения вместо переносного считается одной из причин непонимания текста. Не учитывая контекст предложения, переводчики берут словарь, неразумно выбирают первый вариант перевода слова и соединяют его с другими словами в предложении. Это свидетельствует о необходимости понимания всех значений многозначного слова для полноты раскрытия его смысловой структуры. «Если дословный перевод слов звучит нелогично по-русски, то нужно заподозрить в них устойчивое словосочетание с переносным значением и заглянуть в словарь, даже если по отдельности все слова знакомы» [\[18, с. 193\]](#).

Активное проявление вежливости, уважения, почтения в китайском речевом этикете иногда оказывает неосознанное влияние и на перевод многозначных слов. Из-за этого переводчик часто выбирает из значений многозначного слова то, которое не подходит для контекста. В некоторых случаях можно заметить полную неэквивалентность значения глаголов в оригинальном и переводном высказывании. Например:

4.8. **Позвольте** (вежливое обращение с просьбой разрешить сказать)! – *смело заговорил автор популярных скетчей Загривов*. (Булгаков)

— “对不起(**Извините**)!”通俗小喜剧作者扎格里沃夫大胆地说。(Сюй Чанхан, 2017)

4.9. **Помилуйте** (да что ты)! – *сказал Воланд, – на кой черт и кто станет его резать?* (Булгаков)

— “对不起(**Извините**),”沃兰德说,“为什么宰它?谁说要宰它?(Цянь Чэн, 2016)

4.10. Но, **помилуйте**, что вы делаете, Афраний, ведь печати-то, наверное, храмовые! (Булгаков)

— 请您原谅,您这是做什么,阿弗拉尼,要知道,封条可能是神殿的!(Ван Чжэньчжун, 1996) (Дословный перевод: Но, **прошу меня извинить**, что вы делаете, Афраний, ведь печати-то, наверное, храмовые!)

Ошибки в выше проанализированных примерах неочевидны, однако при видимой правильности текста переводчики нарушают логические связи между предложениями. Все ошибки являются лексическими и считаются отражением слабых навыков чтения и неправильного понимания лексического значения слова, что ведет к неверной интерпретации интенционального скрытого значения. Всякая лексическая трансформация, согласно мнению Я.И. Рецкера, «требуется от переводчика чувства меры и досконального знания переводимого текста и связанной с ним обстановки» [\[23, с. 50\]](#).

Таким образом, к переводу нужно относиться как к искусству лингвистической интерпретации, а не как к механическому процессу, выполняемому при помощи словаря.

Нами были выявлены 4 типичных проблемы перевода повелительного наклонения на уровне грамматической, которые не позволили переводчикам адекватно передать коммуникативно-прагматический аспект высказывания.

1. Переводчик не понимает, что форма императива употребляется в непрямом значении. Например:

1) *Но за ночь их заклеили новыми, и теперь ни одной нет, хоть **убей*** (непрямые употребления форм императива в составе фразеологических единиц со значением уступки). (Булгаков)

— *但一夜之间就有新的海报把它们全都盖住了,现在这些杀千刀的海报竟然一张也找不到了。* (Бай Хуасюн, 2017) (Дословный перевод: *Но за ночь их заклеили новыми, и теперь ни одной **убитой** афиши нет.*)

2. Императив переводится как личная форма глагола, что говорит о неполном владении переводчиком грамматических форм императива. Например:

2) *Так **пропадите** же вы пропадом с вашей обгоревшей тетрадкой и сушеной розой!* (Булгаков)

— *所以,你也会随着你烧坏的本子、风干的玫瑰一起消失!* (Ван Наньфу, 2016) [Дословный перевод: *Вы **исчезнете** (буд.вр., мн.ч.) пропадом с вашей обгоревшей тетрадкой и сушеной розой!*]

3) *Пришлось мне вас побеспокоить, Маргарита Николаевна и мастер, – заговорил Воланд после некоторого молчания, – но вы не **будьте** на меня в претензии.* (Булгаков)

— *“又来打扰你们二位啦,玛格丽特·尼古拉耶芙娜,还有大师。”沃兰德沉默了一会儿说,“不过,你们不会责怪我吧[но вы не **обвините** (буд.вр., мн.ч.) меня]?”(Сюй Чанхан, 2017)*

Оказывается, что в выше представленных примерах переводчики перепутали форму императива с личной формой будущего времени глагола. Если эти ошибки считаются простительными, то перевод повелительного наклонения глаголами прошедшего/настоящего времени совсем непростителен. Например:

4) *Мы вас испытывали, – продолжал Воланд, – никогда и ничего не **просите!*** (Булгаков)

— *“我们考验了您,”沃兰德继续说,“任何时候您都从不请求什么(вы никогда и ничего не **просили!**)!”* (Янь Юнсин, 2015)

5) *Так что вы уж сами **узнайте** это у него, Иван Николаевич!* (Булгаков)

— *看来您自己已经从他那儿知道这个了(Так что вы **уже** сами **узнали** это у него),伊凡·尼古拉耶维奇!*(Су Лин, 2022)

6) *Гей, Баргузин (ветер, дующий в средней части Байкала)... **пошевеливай** вал!..* (Булгаков)

— *嗨,贝尔加湖...巨浪在翻滚(**пошевеливает** вал)!*(Ван Наньфу, 2016)

3. Переводчик неправильно понимает значение императива. Например:

7) *Я пойду вперед, – продолжала Низа, – но ты не иди по моим пятам, а **отделись** от*

меня. (Булгаков)

— “我在前面走,”尼莎接着说,“可你别紧跟在我后面,你离开我(а **оставляй меня**)”。(Ван Чжэньчжун, 1996)

8) **"Взвейтесь! "** да **"развейтесь!"** (отрывки стихи Рюхина к первому числу) (Булгаков)

— 您自己掂量掂量,仔细掂量一下,(Янь Юнсин, 2015) (Дословный перевод: *Поступай обдуманно, хорошенько обдумай.*)

9) **Идемте, идемте** к нему, я не знаю, что делать! (Булгаков)

— **都走吧!去他的!我现在不知道该怎么办啊!**(Ван Наньфу, 2016) (Дословный перевод: **Уходите! Ну его к чёрту! Я не знаю, что делать!**)

4. Переводчик неправильно определяет исполнителя действия. Например:

10) *Этим звукам ответил сверлящий свист мальчишек с кровель домов улицы, выводящей с базара на гипподромскую площадь, и крики **берегись!**"*. (Булгаков)

— 以及在从市场通往竞技场的街道上,那些爬在屋顶上的男孩子们吹着尖利的口哨声,男孩们仿佛在应和广场里的嘈杂声,大声喊着:**"当心!"** (Ван Наньфу, 2016) (Дословный перевод: *Этим звукам ответил сверлящий свист и крики **"берегись!"** мальчишек с кровель домов улицы, выводящей с базара на гипподромскую площадь.*) Итак, мы видим здесь замену исполнителя действия.

11) **Догадайся**, что со мною случилась беда. (Булгаков)

— 我知道我有麻烦了(**Знаю**, что со мною случилась беда)..... (Ван Наньфу, 2016)

Императив превращается в простой глагол 1-го лица, говорящий становится субъектом действия.

12) Ты **смотри!** – ответил на это Воланд. (предупреждение Воланда к коту, исполнитель – кот) (Булгаков)

— “瞧他!”沃兰德说。(Цянь Чэн, 2016) (Дословный перевод: **Смотри на кота**, – сказал Воланд.)

Следует добавить, что в некоторых случаях допускается замена императива 2-го лица императивом 1-го лица и наоборот. Например:

13) Ну вот что, граждане: **звоните** сейчас в милицию, чтобы выслали пять мотоциклетов с пулеметами, профессора ловить. (Булгаков)

— 怎么样,公民们,我们现在就报警吧(**звоним** сейчас в милицию),让他们马上派五辆摩托车去追捕那个教授,还要带上手枪。(Су Лин, 2022)

14) **Начнем** с обуви, мадам. (Булгаков)

— 女士,您先看看鞋,好吗?(Цянь Чэн, 2016) (Дословный перевод: *Сначала **посмотрите** на обувь, мадам, хорошо?*)

Итак, в статье были подробно рассмотрены проблемы перевода форм императива с русского языка на китайский. Задача перевода императивных конструкций состоит в том, чтобы найти такой эквивалент переводимого слова, который звучал бы на другом языке адекватно и при этом имел бы то же значение, ту же стилистическую окрашенность и прагматическую характеристику. Трудность перевода императива заключается именно в

его сложной природе, многогранности и семантическом богатстве. Во избежание ошибок переводчику необходимо правильно идентифицировать значение императива, а также понимать, в каком значении употреблен глагол в повелительном наклонении – в прямом или переносном.

Как свидетельствует наш анализ, далеко не во всех случаях переводчикам удалось уловить некоторые оттенки значения глаголов русского языка, и переводчики не всегда стремятся к точному воспроизведению коммуникативных особенностей отдельных предложений текста оригинала. Как правило, буквальный перевод императива приводит к бессмыслице или к очевидной неблагозвучности предложения. Нередко для передачи смысла реплики персонажа и семантики предложения переводчику приходится идти окольными путями. Но при использовании метода лексической или грамматической трансформаций крайне важно, прежде всего, освоить все грамматические и семантические особенности употребления императива и лексические значения глагола, чтобы иметь основу для учета не только эквивалентности на коммуникативном и семантико-стилистическом уровнях, но и случаи семантической и метафорической аналоговости.

Таким образом, проведенный переводческий анализ форм императива в романе «Мастер и Маргарита» позволяет прийти к следующим выводам:

Императив относится к числу ключевых языковых единиц, выражающих идейное содержание оригинального текста в процессе реализации авторской интенции. Точный и наиболее близкий к тексту перевод императивной конструкции в диалоге считается важнейшим элементом создания речевой характеристики лиц. К сожалению, не всегда удается передать информацию в переводном тексте так, чтобы сохранить ясность, доступность понимания, выразительность и экспрессивность, заложенные в оригинальном тексте. Следует отметить, что данная проблематика весьма актуальна и еще не получила серьезного освещения в работах по переводу.

Библиография

1. Алтунин А.А. Структурные компоненты концепта "Вежливость" в русской и английской лингвокультурах // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 115-118.
2. Бабушкина М. А. Репрезентация метакоммуникативной побудительной ситуации иллокутивным глаголом с отрицанием // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 1. С. 129-133. DOI: 10.30853/phil20230014 EDN: RJXXFG.
3. Бай Хуасюн. Мастер и Маргарита. Пекин: Центральное компилятивное и переводческое издательство, 2017. С. 632. 白桦熊. (2017) 大师与玛格丽特. 北京: 中央编译出版社.
4. Барина И. А., Нестерова Н. М. Слово в переводе: сопоставительный анализ лексических переводческих соответствий // Филологические заметки. 2009. С. 15.
5. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. С. 473-500. EDN: YMWITZ.
6. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во УРАО, 2000. С. 208.
7. Ван Наньфу. Библиотека всемирной литературы (полный перевод): Мастер и Маргарита. Ухань: Литературно-художественное издательство Янцзы, 2016. С. 432. 王男楸. (2016) 世界文学名著典藏: 大师与玛格丽特. 武汉: 长江文艺出版社.

8. Ван Чжэньчжун. Мастер и Маргарита. Пекин: Издательство Китайского университета Минзу, 1996. С. 462. 王振忠. (1996) 大师和玛格丽达. 北京: 中央民族大学出版社.
9. Ван Ю. К вопросу о фонетических и лексических трудностях при изучении русского языка китайскими учащимися // Stephanos. 2017. № 3(23). С. 131-136. EDN: YPQADV.
10. Ванников Ю.В. Проблемы адекватности перевода: Типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности // Текст и перевод. М., 1988. С. 34-37.
11. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. С. 320. EDN: PGWRSR.
12. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Г.А. Золотова (отв. ред.). 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. С. 640.
13. Гаджиева Н. А., Ахмедова П. Н. Проблема адекватности перевода художественного текста и сохранения авторского идиостиля (на материале перевода на лезгинский язык повести А. С. Пушкина "Капитанская дочка", выполненного М. М. Гаджиевым) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2-2 (80). С. 305-308. EDN: YODOCA.
14. Гао Хуэйцзюнь. Мастер и Маргарита. Шанхай: Шанхайское литературно-художественное издательство, 2019. С. 452. 高惠群. (2019) 大师和玛格丽特. 上海: 上海译文出版社.
15. Дай Цу, Цао Говэй. Мастер и Маргарита. Пекин: Издательский дом писателей, 1998. С. 493. 戴骢, 曹国维. (1998) 大师和玛格丽特. 北京: 作家出版社.
16. Данилевская Н. В. Картина мира писателя в языковом пространстве текста (на примере романа М. Булгакова "Мастер и Маргарита") // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. 2019. № 3. С. 4-13.
17. Иосифова В. Е. Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2012. С. 455. EDN: QFMYTD.
18. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English Russian. Серия: Изучаем иностранные языки. СПб.: "Издательство Союз", 2001. С. 320.
19. Комиссаров В. Н. Слово о переводе [Текст]: (Очерк лингвист. учения о переводе). Москва: Междунар. отношения, 1973. С. 215.
20. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / Комиссаров В. Н. М.: Высш. шк., 1990. С. 253.
21. Лысенко В. Л. Проблемы перевода фразеологических единиц в художественном тексте (на материале романа Дж. Голсуорси "Собственник") // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 1. С. 91-94.
22. Михайлов Н. Н. Теория художественного текста. М.: Academia, 2006. С. 220.
23. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Дополнения и комментарии Д. И. Ермоловича. 3-е изд., стереотип. М.: "Р. Валент", 2007. С. 244.
24. Родионова Т. И. Ошибки, возникающие при передаче исходного содержания // Известия ВПГУ. Филологические науки. 2020. № 7. С. 136-142. EDN: EAPNUK.
25. Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: Изд. фирма "Восточная литература" РАН, 1995. С. 352.
26. Сорокин Ю. А. Что мы делаем, когда переводим художественный текст? // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2005. № 1. С. 44-48. EDN: IIQWZP.
27. Су Лин. Мастер и Маргарита. Пекин: Издательский дом писателей, 2022. С. 528. 苏玲. (2022) 大师与玛格丽特. 北京: 作家出版社.
28. Сюй Чанхан. Мастер и Маргарита. Чжэцзян: Издательство литературы и искусства в провинции Чжэцзян Китайской Народной Республики, 2017. С. 505. 徐昌翰. (2017) 大师和玛格丽特. 浙江: 浙江文艺出版社.

29. Федоров А. А. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1968. С. 303.
30. Цао Говэй. Мастер и Маргарита. Гуанси: Издательство Лицзян, 2018. С. 540. 曹国维. (2018) 大师和玛格丽特. 广西: 漓江出版社.
31. Цянь Чэн. Мастер и Маргарита. Пекин: Издательство народной литературы Китая, 2016. С. 433. 钱诚. (2016) 大师和玛格丽特. 北京: 人民文学出版社.
32. Чайковский Р. Р., Лысенкова Е. Л. Неисчерпаемость оригинала. 100 переводов "Пантеры" Р. М. Рильке на 15 языков. Магадан, 2001.
33. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. С. 215.
34. Широ́ва И. А., Тураева З. Я. Текст и интерпретация: взгляды, концепции, школы. СПб., 2005. EDN: QRUGOV.
35. Янь Юнсин. Мастер и Маргарита. Сиань: Издательство Сианьского транспортного университета, 2015. С. 378. 严永兴. (2015) 大师和玛格丽特. 西安: 西安交通大学出版社.
36. Gu, Yueguo. Politeness phenomena in modern Chinese. Original Research Article // Journal of Pragmatics. 1990. № 2. С. 237-257.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная статья посвящена комплексному исследованию форм императива в художественном тексте и особенностей их перевода в условиях типологически и культурно удалённой языковой пары — русского и китайского языков. Предмет исследования сформулирован чётко и обоснованно: автор рассматривает функционирование императивных конструкций в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», их семантическую многозначность, прагматический потенциал и роль в создании речевой характеристики персонажей, а также анализирует способы и проблемы передачи этих конструкций в десяти китайских переводах произведения. Такой выбор материала представляется оправданным, поскольку роман Булгакова отличается высокой диалогичностью, сложной системой персонажных взаимодействий и богатством экспрессивных средств, среди которых императив занимает особое место.

Методология исследования отличается высокой степенью продуманности и научной строгости. Автор сочетает корпусный анализ (использование данных Национального корпуса русского языка), сплошную выборку императивных форм, количественный подсчёт их распределения по значениям и качественный контекстуальный анализ. Существенным достоинством работы является опора на внушительный массив переводных текстов: сопоставление десяти китайских переводов, выполненных в разные годы разными переводчиками, позволяет выявить устойчивые переводческие тенденции и типовые ошибки, а также избежать субъективности единичного примера. В теоретическом плане методология базируется на классических и современных работах по теории перевода, грамматике императива, прагматике и межкультурной коммуникации, что обеспечивает концептуальную целостность исследования.

Актуальность статьи не вызывает сомнений. Во-первых, проблематика перевода императива в художественном тексте по-прежнему остаётся одной из наименее разработанных в русско-китайском переводоведении. Во-вторых, интерес к роману «Мастер и Маргарита» как к объекту многоязычного перевода не ослабевает, однако большинство работ сосредоточено на философских, культурологических или лексических аспектах, тогда как грамматико-прагматический уровень, особенно в аспекте

повелительного наклонения, изучен значительно слабее. В-третьих, исследование затрагивает более широкие вопросы соотношения эквивалентности и адекватности перевода, что придаёт работе междисциплинарный характер.

Научная новизна статьи заключается в систематизации значений императивных форм в романе и в детальной классификации переводческих ошибок при их передаче на китайский язык. Автор не ограничивается традиционным противопоставлением «прямых» и «косвенных» императивов, а предлагает расширенный перечень значений, подкреплённый количественными данными. Особый вклад представляет разработка типологии переводческих ошибок (семантико-стилистические, лексические, грамматические) с указанием их частотности у конкретных переводчиков. Это позволяет рассматривать перевод не абстрактно, а в реальном историко-переводческом контексте. Стиль статьи отличается академической строгостью, логичностью и аргументированностью. Изложение материала последовательное: от теоретического осмысления императива и проблем непереводимости — к анализу языковых различий между русским и китайским языками и далее к детальному разбору переводческих решений. Большое количество примеров из оригинала и переводов, сопровождаемых комментариями, делает исследование наглядным и убедительным.

Библиография статьи отличается полнотой и репрезентативностью. Автор привлекает широкий круг источников: классические труды по теории перевода (Рецкер, Комиссаров, Швейцер, Фёдоров), работы по грамматике и прагматике императива, исследования по китайской лингвокультуре и вежливости, а также оригинальные и переводные тексты романа. Такой подбор литературы свидетельствует о глубоком погружении автора в проблематику и корректной научной ориентации.

Апелляция к оппонентам реализуется в корректной форме через сопоставление различных теоретических подходов к эквивалентности, адекватности и непереводимости, а также через обсуждение расхождений между переводческими решениями. Автор не вступает в полемику ради полемики, но последовательно демонстрирует ограничения существующих подходов и обосновывает необходимость прагматически ориентированного анализа.

Выводы исследования логично вытекают из проведённого анализа и обладают высокой степенью обоснованности. Показано, что императив является ключевым средством выражения авторской интенции и характеристики персонажей, а его некорректный перевод приводит к искажению прагматического и эмоционального плана текста. Работа представляет значительный интерес для специалистов по переводу, лингвистов-русистов, синологов, преподавателей художественного перевода и студентов филологических направлений.

Представленная статья является серьёзным, методологически выверенным и научно значимым исследованием, и может быть рекомендована к публикации.